

Чарская Лидия Алексеевна

Генеральская дочка

Лишний рот

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Генеральская дочка: Лишний рот / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 202 с.

ISBN 978-5-521-29818-1

ISBN 978-5-521-29818-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Глава первая.

а, положеніе не изъ пріятныхъ, — произнесъ высокій, сѣдой военный, въ генеральской формѣ. — Что ты скажешь на это, Мари?

Та, которую звали Мари, худенькая, маленькая, болѣзненнаго вида женщина, подняла усталые глаза на мужа и улыбнулась доброй улыбкой.

— Конечно, если-бы Мурочка не была такъ непосредственна. — тихо прозвучалъ голосъ маленькой генеральши и она отложила въ сторону газету, которую читала.

— Ты называешь это непосредственностью? Гмъ!?. — И генераль Раевскій неожиданно весело расхохотался. — Дорогая Мари, я всегда говорилъ, что ты была слишкомъ снисходительна къ дѣвочкѣ, — продолжалъ онъ черезъ минуту.

— Постоянно спуская Мурѣ всѣ ея маленькія по-

грѣшности и недочеты ты сдѣлала только то, что къ шестнадцати годамъ изъ нея вышла не благовоспитанная, корректная барышня, а какой-то отчаянный сорви-голова мальчишка. Вѣдь ни на одинъ день се нельзя оставить одну. И что за непріятное положеніе у насъ теперь создается, благодаря невыдержанности этой дѣвочки! Мнѣ необходимо ѣхать въ Карлсбадъ лечить мои больныя почки, тебѣ — въ Біаррицъ возстановливать издерганную за время твоей неутomимой благотворительной дѣятельности нервную систему, а дѣвочку положительно не съ кѣмъ оставить здѣсь. Взять-же ее съ собою значило-бы подвергнуть себя утроеннымъ расходамъ, а ты сама знаешь, что, живя на одно мое жалованіе и не имѣя свободныхъ средствъ, мы не можемъ позволять себѣ тратить много денегъ. Да и кромѣ того что-же это будетъ за леченіе, если намъ придется постоянно думать о томъ, чтобы наша проказница не свернула себѣ шеи въ то время, пока мы будемъ брать ванны или отдыхать послѣ массажа. Охъ, ужъ эти мнѣ баловницы маменьки! Балуютъ дѣтей напропалую, а потомъ и сами не знаютъ, что дѣлать съ ними.

Блѣдное худенькое лицо Маріи Павловны тонко улыбнулось въ отвѣтъ на тираду мужа.

„Не самъ-ли онъ, этотъ, такъ бурно возмущающійся сейчасъ Мурочкиными шалостями и ея чрезмерной живостью, Леонидъ Федоровичъ, души не чаетъ въ своей дочуркѣ и, ужъ во всякомъ случаѣ,

не менѣе ея, матери, вносить дань отеческаго баловства и огромную дозу снисходительности по отношенію къ шалунѣ. Вѣдь не было еще случая, чтобы генераль запретилъ что-либо свой Мурочкѣ. Неоспоримымъ деспотомъ росла дѣвочка въ семьѣ. Хорошо еще, что сама по себѣ натура Мурочки являлась въ высшей степени благородной и честной и дѣвочка обладала, къ тому же, добрымъ сердцемъ, а то, Богъ вѣдаетъ, что могло бы выйти изъ нея!“. .

На этой мысли генеральша Раевская снова взялась за прерванное чтеніе газетъ.

Вдругъ глаза ея приковались къ огромнымъ буквамъ объявленія, напечатаннаго на самомъ видномъ мѣстѣ. Такого страннаго объявленія Марія Павловна еще не встрѣчала за всю свою долгую сорокапятилѣтнюю жизнь: **„Пансіонъ хорошаго тона исключительно для дѣвицъ благороднаго происхожденія“** — гласили напечатанныя жирнымъ шрифтомъ строка. — „Въ семинедѣльный срокъ за весьма умеренное вознагражденіе обучаютъ молодыхъ дѣвицъ хорошему тону и свѣтскимъ манерамъ подъ руководствомъ опытной наставницы. Принимаютъ воспитанницъ на полный пансіонъ. Прекрасный здоровый домашній столъ. Постоянное наблюденіе наставницъ. Мѣстоположеніе крайне благопріятное для здоровья. Дачный чистый воздухъ. Сосны. Пески. Море. Граница Финляндіи. По Приморской дорогѣ. Станція Дюны. Обращаться за справками лично къ директрисѣ пансіона m-me Sept“.

По мѣрѣ того, какъ глаза маленькой генеральши пробѣгали эти строки, легкій румянецъ разлился по ея блѣднымъ щекамъ, а губы сложились въ довольную улыбку.

— Вотъ, прочти,— сказала она, протягивая газету мужу.

Лсонида Федоровичъ такъ-же быстро пробѣжалъ строки объявленія и поднялъ на жену удивленный взглядъ.

— Насколько я тебя понялъ, Мари, ты хочешь на время нашего отъѣзда помѣстить въ этотъ удивительный пансіонъ нашу Мурочку?

— А почему-бы и нѣтъ? Ты, разумѣется, долженъ будешь съѣздить туда самъ и предварительно узнать, насколько можетъ быть умѣстно пребываніе тамъ нашей дочери. Конечно, былъ-бы лучше устроить Муру у кого-нибудь изъ родныхъ, но, въ данномъ случаѣ, мы съ тобой не счастливые люди; у насъ не осталось въ живыхъ никого изъ близкихъ родственниковъ, а съ нашими дальними кузенами и кузинами мы, въ сущности, такъ мало знакомы, что было бы нѣсколько рискованно отягощать ихъ заботами о дѣвочкѣ, уже одно присутствіе которой въ домѣ ведетъ за собой нѣкоторое безпокойство. Пансіонъ-же въ такихъ случаяхъ незамѣнимъ. Онъ не несетъ съ собой никакихъ другихъ обязательствъ, кромѣ денежныхъ, и я, въ сущности, рада, что это объявленіе попало мнѣ на глаза.

— Ты права, дорогая Марія,—поспѣшилъ согласиться съ женой генераль Раевскій, — но я все-таки не могу представить себѣ нашу дѣвочку въ чужой, новой для нея обстановкѣ, одну среди незнакомыхъ людей! — И при этихъ словахъ лицо Леонида Федоровича приняло озабоченное выраженіе.

Марія Павловна улыбнулась.

— Ты забываешь, мой другъ, — сказала она, — что этой дѣвочкѣ пошелъ уже семнадцатый годъ и что она окончила гимназію. Стало быть, надо смотреть на нее, какъ на взрослую...

— Но не какъ на благоразумную взрослую, во всякомъ случаѣ? — усмѣхнулся генераль.

— ... Не какъ на благоразумную, согласна, — подтвердила его жена, — и имѣя въ виду именно это обстоятельство, я и подумала о томъ, что хорошо было бы отправить въ пансіонъ вмѣстѣ съ нашей Мурочкой и Досю. Во-первыхъ, этимъ мы не разлучимъ двухъ неразлучныхъ подругъ, а во-вторыхъ, Досина благоразумія на двоихъ хватить, не правда-ли?

— Блестящая идея, что и говорить. И чѣмъ скорѣе мы осуществимъ ее, хотя бы пока только въ проектѣ, тѣмъ лучше, — совсѣмъ уже весело произнесъ генераль и, подойдя, къ звонку, нажалъ электрическую кнопку.

— Пригласи сюда обѣихъ барышень, Спиридоновъ, — сказалъ онъ вытянувшемуся передъ нимъ денщику.

— Слушаю, Ваше Высокопревосходительство! —
отрапортовалъ тотъ, и такъ же быстро исчезъ, какъ
и появился, словно проваливаясь сквозь землю.

Съ минутою въ гостиной царила полная тишина.
Затѣмъ послышались торопливые шаги за дверью.
Громкое постукиваніе каблучками, звонкій дѣвичій
хохотъ и неистово-радостный собачій лай...

Глава вторая.

верь въ гостиную распахнулась настезь. Изъ-за тяжелой портьеры вынырнули два рыжихъ сетера и бѣлый пушистый шпицъ. Съ тѣмъ-же оглушительнымъ лаемъ ринулись они со всѣхъ ногъ къ своимъ хозяевамъ, а слѣдомъ за собаками появилось небольшого роста растрепанное юное существо со смуглымъ неправильнымъ личикомъ, крупнымъ носомъ и припухлыми губками. Неправильность этого некрасиваго личика вполнѣ однако, искупали, веселые, сіяющіе жизнью и задоромъ, сѣрые глаза, да сверкающіе въ улыбкѣ, ослѣпительно бѣлые, зубы.

Съ косымъ проборомъ въ густыхъ, черныхъ, всегда растрепанныхъ волосахъ, съ задорной усмѣшкой и смѣлымъ выраженіемъ въ шаловливомъ личикѣ, Мура Раевская, дѣйствительно, походила скорѣе на разбитнаго проказника-мальчугана, неже-

ли на взрослую, закончившую курсъ ученія, барышню.

Широкая синяя мужская матроска (дѣвушка не признавала никакихъ корсетовъ, говоря, что они только стѣсняютъ ея движенія) съ бѣлымъ воротникомъ довершала это сходство.

— Вотъ и мы. Дорогимъ родителямъ почтеніе и привѣтъ! Бардъ, Леди! Тубо! Назадъ! Пушокъ! Ахъ, несносныя собаки, онѣ испортятъ моей крошкѣ мамусенькѣ ея плюшевый капотъ, — веселымъ, громкимъ голосомъ кричала Мура, умудряясь одновременно и цѣловать щеки матери, и пожимать руку отца, и энергичными движеніями свободной руки отталкивать лѣнувшихъ къ хозяевамъ собакъ, слишкомъ ужъ неистово выражавшихъ свой восторгъ. Съ минуты появленія этой смуглой, веселой, жизнерадостной дѣвушки, казалось, сразу ожили строгія стѣны чопорной гостиной, точно сама фея юности выпорхнула изъ-за тяжелой портьеры, наполнивъ комнату смѣхомъ и радостью, заставивъ раздвинуться въ улыбку губы старика-отца и засіять и помолодѣть увядшія черты матери.

— Ну, птички мои, зачѣмъ вы звали меня?— безпечно смѣясь, спрашивала Мура.

— Кто это птички? Мы-то? Нечего сказать, хороша стрекоза!—притворно-сердито, хмурясь, произнесъ генералъ. — Слѣдовало - бы вамъ нѣсколько почтительнѣе относиться къ вашимъ престарѣлымъ

... Умудрялась одновременно и цѣловать щеки матери, и пожимать руку отца, и энергичнымъ движеніемъ руки отталкивать собакъ.

родителямъ, сударыня, — началъ-было Леонидъ Федоровичъ недовольнымъ голосомъ и тутъ-же оборвалъ свою рѣчь на полуфразѣ. Съ быстротой вихря кинулась Мура на шею отцу.

— Паписька мой сѣденькій, паписька мой славенькій, любименькій, пригоженькій, хорошенькій мой! — залепетала она, — пожалуйста, не вздумай только читать мнѣ нотациі нынче. Пожалѣй свою Мурку. Посмотри, какъ славно свѣтитъ солнышко, какъ сіяетъ голубое небо и какое весеннее настроеніе у твоей дочурки. Право-же грѣшно портить его. — И говоря это, Мура со смѣхомъ покрывала поцѣлуями глаза, щеки, лобъ и губы отца.

— Да полно тебѣ, Мурочка, — вмѣшалась, наконецъ, Марья Павловна, — дай хоть слово сказать. Садись и слушай, намъ нужно переговорить съ тобой о серьезномъ дѣлѣ. Мы съ отцомъ рѣшили на время нашей заграничной поѣздки помѣстить тебя въ пансіонъ. Вотъ въ этотъ самый пансіонъ, прочти о немъ объявленіе. И маленькая генеральша протянула газету дочери.

Смѣхъ Мурочки оборвался сразу. Смуглое лицо вытянулось.

— Ага, пансіонъ! Значитъ, дѣло принимаетъ наисерьезнѣйшій оборотъ, какъ видно, — протянула она комическимъ тономъ и съ видомъ вполнѣ благовоспитанной барышни, сложивъ ручки на колѣняхъ, усѣлась въ кресло, положивъ газету передъ